

Между приватностью и публичностью: модусы персонального самоопределения в контексте современной топологии общества

Е. В. Ходус

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина

*Corresponding author. E-mail: hodus2@ukr.net

Paper received 25.01.2016; Accepted for publication 10.02.2016.

Аннотация. В статье фокус исследовательского интереса сосредоточен на процессе деконструкции топологии современного социокультурного пространства в модусе преодоления традиционного для модерна бинарного расчленения общества на «приватное» и «публичное». Особое внимание акцентируется на тотальной медиатизации реальности, меняющей форму социального контроля (но никак, ни его репрессивную логику), что в свою очередь стимулирует сдвиги в области частной жизни (ее смыслах, значениях, эстетике, формах проявления).

Ключевые слова: приватность, публичность, индивидуализм, медиакультура, субъективность.

Феномен приватности как персональный, телесный, интимный внутренний мир, в котором, человек может свободно реализовывать собственные представления, желания и созидать альтернативные модели жизни – устойчивый и привычный атрибут действительности современной культуры – в настоящее время претерпевает изменение своего онтологического статуса, а соответственно требует дополнительной аналитической и теоретической (ре)интерпретации.

Согласно устоявшемуся в научном дискурсе толкованию приватности (с разной степенью представленности данная тематика присутствует в работах Ю. Хабермаса, Х. Аренд, З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Ж. Липовецки, Р. Сенета, Ж.-Л. Нанси, П. Слотердайка, Дж. Дьюи, Р. Рорти), этой дефиницией принято маркировать особый круг практик восприятия и осмысления мира, центрированных вокруг самого субъекта и предполагающих произвольность индивидуальных решений и возможность избирательного контроля доступа к себе, к своей «самости». Иными словами – это сфера, где «я существую для себя», в том смысле, что приватный жизненный порядок оставляет за собой право не замечать формально организованный мир социальных институтов с их монетаризацией, бюрократизацией, влияние которых в зоне непосредственного существования «простого» индивида кажется ему либо ничтожным, либо фатальным. В таком понимании, к приватным сюжетам можно отнести все то, что придает ценность человеческому существованию, находится в области межличностных отношений, любви, семьи, детей, дружбы, эротики, секса, эмоционального мира личных переживаний. Термин «частный», таким образом, в повседневном дискурсе описывает области социальной жизни, защищенные от всех, кроме членов семьи, близкого круга. В условиях современного социума – «рефлексивного модерна» (как его определяет У. Бек) - статус внутреннего мира индивида как мира независимого и подчиняющегося собственным правилам, безусловно, вырос, в то время как значимость статуса публичного мира государства, рынка, гражданского общества становится все менее очевидной.

Соответственно в настоящей статье фокус исследовательского интереса сосредоточен на проблематике социальной приватизации культуры в значении объективации самых разнообразных форм частной

жизни, происходящей на фоне «атомизации» социального порядка в эпоху «расслабленности» [10]. Именно так Ж.-Ф. Лиотар определил состояние упадка мобилизующей и организующей силы современного общества как системы институтов. Заметим, что обозначенная проблематика рассматривается в тесной увязке с актуальным социокультурным контекстом, опосредованным информационными и цифровыми технологиями, которые лишают приватность ее аутентичного смысла (в значении «сокрытости» от публичного взгляда, «тайности», «интимности») и задают, тем самым, «проблематичные конфигурации» существующих форм приватности. При этом массмедиа выступают как практики субъективации, производящие уже не столько «послушные, дисциплинированные» тела (как это описал М. Фуко), сколько пластичные формы субъективности. Можно сказать, что, не смотря на радикальную деконструкцию топологии современного социокультурного пространства, происходящую в модусе преодоления традиционного для модерна бинарного расчленения общества на «приватное» и «публичное», частную жизнь, тем не менее, не следует рассматривать в качестве самостоятельной сферы, действительно свободной от социального контроля и власти. Очевидно, что в условиях тотальной медиатизации реальности меняется сама форма социального контроля (но никак, ни его репрессивная логика), что, в свою очередь, стимулирует сдвиги в области частной жизни (ее смыслах, значениях, эстетике).

Итак, вслед за Ж.-Ф. Лиотаром, анализируя состояние современности, А. Турен задается вопросом: «Не создается ли впечатление, что мы живем во фрагментированном мире, в не-обществе, поскольку личность, культура, экономика и политика, как кажется, движутся каждая в своем направлении и удаляются друг от друга?» [16, с. 27]. Действительно, симптомами реконфигурации актуального социального порядка в сторону прогрессирующей самостоятельности личности, можно считать снижение доверия к институтам государства и представительской демократии. Так, например, согласно данным Европейского социального исследования, по показателям доверия к институтам власти в 2013 году Украина занимала последние места среди европейских стран [3]. Упадок публичной сферы также проявляет себя в массовом разочаровании в политике, активизации так

называемых новых социальных движений на фоне инертности масс. Вместе с тем индивидуальные предпочтения, определяющие большинство практических усилий современного индивида и принимающие зачастую самые меркантильные формы, тем не менее, способны, по мысли А. Турена, породить эмоции и солидаристские движения, связанные с самыми главными проблемами человеческой жизни. Как замечает французский ученый: «Мораль уже не может быть связана с конформизмом, она должна призывать каждого, брать на себя ответственность за свою жизнь, отстаивать свободу, далекую от индивидуализма» [16, с.34]. В контексте обозначенных тенденций украинский Майдан 2014 года, революция достоинства, последовавшие за ними события, выглядят для части украинского социума как шанс восстановления утраченного чувства общности, демонстрирующий добровольное желание выйти за горизонты своего приватного мира. По мнению исследователей именно сейчас наиболее активная часть украинского общества использует свой шанс интегрироваться обратно в социум через самые разнообразные формы коллективного участия – волонтерское движение, различные ассоциации самопомощи и т.д. «Маски недоверия к любому конформизму, нарочитое противопоставление себя системе, самоизоляция – все это теперь отброшено. Эти люди опять действуют» [4, с.5].

Примечательно, что действуют индивиды в ситуации «общества без государства» - так выразил формулу либеральной композиции современного общества А. Турен. Примеры многопланового волонтерского движения, развернувшегося сегодня в Украине, массовая поддержка гражданами украинской армии, отвагу добровольцев, вполне можно рассматривать как примеры эффективной реализации тех функций, которые логично было бы ожидать от государства. Очевидно, подобные гражданские инициативы пытаются создать свою модель самоуправляющегося общества как альтернативы объективной дисфункциональности государства. Ответственность государства, соответственно, предельно сокращается, оно все больше уходит из частной жизни граждан, предоставляя их самим себе, и, тем самым, в принципе отказываясь от функции распределения ответственности в пользу модной сегодня этики субсидарности. В сложившихся обстоятельствах происходит переход от институциональной помощи к самопомощи, поскольку существовавшие в течении десятилетий различные институты – правительство, система социального обеспечения, корпорации – не оправдывают возлагаемых на них надежд. По этой причине возникают многочисленные инициативы и группы самопомощи в области медицины, борьбы с преступностью, защиты окружающей среды. Человек оказывается ответственным не только за свой биографический проект, но и за судьбу своей семьи, своего города, своей страны и т.д. Более того, структурные воздействия (рынок, неравенство, безработица, экстремальные условия последнего времени, в которых оказался украинский социум) становятся в большей степени «личными проблемами». Как следствие, современный индивидуализм

удаляется из публичной сферы в частную. Как писал Б. Констан, «пусть государство печется только о справедливости, а нашим счастьем мы займемся сами» [9]. Волне симптоматичным на этом фоне выглядит повышение значимости для украинцев ценностей, связанных с возможностью демократического контроля над решениями власти, демократическим развитием страны, свободой слова, предпринимательской инициативой, индивидуальной самостоятельностью [15]. Как видим, особенность современной ситуации в том и состоит, что именно формальные институты и гражданские ассоциации, основанные на абстрактном доверии, перестают быть значимым ценностным центром, и напротив, консолидирующими становятся ценности, относящиеся к конкретным человеческим ситуациям и личной ответственности за себя, своих близких, свои принципы и убеждения. Вместе с тем, благодаря общности смыслов, эти ценности «нового» индивидуализма формируют уже не столько индивидуальные, но коллективные идентичности, практики, языки коммуникации.

Очевидно, что на фоне декомпозиции идеи общества, его атомизации и индивидуализации от индивида требуется многоплановая социальная компетенция, расширения пространства личной социальной активности – креативного индивидуализма, что, как следствие, усиливает авторизацию его личного жизненного опыта. В такой ситуации современный субъект определяется уже не столько соотношением с какой-либо сущностью или сообществом, сколько отношением к самому себе. Не случайно ключевыми словами эпохи культурного индивидуализма стали разнообразие и выбор, саморазвитие (скорее как психологическое, чем как политическое благо), самостояние, право на самоорганизацию, возможность выстроить себя как личность, способную сформулировать свой выбор и сопротивляться господствующим логикам.

Между тем эта апология «автономного индивида», независимого и абсолютно свободного, на самом деле – иллюзия, резко контрастирующая с реальным качеством современного социального порядка. Логика современности такова, что, с одной стороны, приватная жизнь (как зона освобождения, в которую мы можем вернуться из «большого общества»), место, где можно расслабиться, «сложить руки»), исключенная в условиях современной культуры из сферы «релевантных коммуникаций», действительно восстановила свой значимый статус на фоне «атомизации» социального (как было показано выше). Однако парадокс ситуации заключается в своеобразной перверсии в том смысле, что теперь сфера публичного (другая сторона бытийствования индивида, открытая обществу и субъекту власти в нем) самопрезентует себя, используя метафоры, правила и драматургию приватности. На это обстоятельство как раз и обращает внимание российский социолог И. Каспэ, замечая, что «чем популярнее установка на обособление приватного пространства, тем активнее оно выносятся на «публику»» [7]. В публичной речи слово «Я» монополизируется «выступающим», «слушающие» при этом лишены возможности воспользоваться им.

Если в модерновом обществе функцию «говорящего» реализовывали институты жесткой дисциплинарной социализации (вспомним, ставший уже хрестоматийным образ Паноптикона М. Фуко), то сегодня публичный дискурс инициируют медийные технологии, выполняющие властные коммуникации в режиме тотального визуального наблюдения, управляя наблюдательной способностью «подвластных» (образ Синоптикона З. Баумана). В результате внутренние страсти, импульсы «Я», формы желания, интимные чувства и переживания, гендерное поведение, практики самоидентификации личности, то есть все то, что составляет содержательный комплекс феномена приватности, остаются под влиянием новых форм реализации социальной и политической власти/знания. «Новая социальная конфигурация, - пишет бразильский философ П. Сибилля, - предстает как тоталитарная в новом смысле: ничто не остается вне контроля. Оформляется новый режим власти и знания, связанный с постиндустриальным капитализмом» [8, с.36]. Речь идет о медийном знании, претендующем на тотальный контроль над всеми формами социальной жизни.

Ж. Бодрийар, рассуждая о природе социального, заметил, что к концу двадцатого столетия сама эта идея пришла в упадок в результате возникновения различного рода символических порядков, предпочитающих не коммуникацию, а сигнификацию, или способы конструирования реальности посредством массмедиа. Социальное есть «симуляция» массмедиа и информационной технологии и не обладает собственной автономией, это мир знаков или симулякров [1]. В приведенных выше словах Ж. Бодрийара за медийными технологиями признается активная роль в конструировании «второй реальности», соответственно именно сфера СМИ становится тем местом, где формируются представления о «социальном». Другими словами медийное пространство можно рассматривать как инстанцию самопознания общества, благодаря нему осуществляется коллективная саморефлексия, осмысление того, что общество хочет (политика), и чем оно является (общественная мораль, культура). И если в настоящем мы утратили прежнюю непосредственность социального опыта, ощущение прочности связей, объединяющих нас в единую общность, то мы нуждаемся в замене этого медиатизированным знанием об обществе. Оценивая функциональную роль медиакультуры, французский социолог О. Ферран отмечает ее двойственность «она отвлекает нас от реальности общества труда, политики, истории, она же дает нам возможность, порой неосознанно, воспринимать его ценности и идеи, попасть в «театр невидимой социализации»» [14, с. 103].

Подобные трансформации коснулись и приватной сферы, она уже не регулируется исключительно собственной системой ценностей; медиакультура сделала возможной публичную интервенцию в эту лакуну социальной жизни. Как полагает И. Каспэ «дом не только начинает строиться по общепринятым образцам, но и оказывается средой формирования воображаемой общности: фактически зритель попадает в мир, который состоит из множества домашних

пространств, отделенных друг от друга только экранами телевизоров» [7]. Включив телевизор, зритель оказывается вовлеченным в эмоциональное и драматургическое шоу-повествование сменяющих друг друга персонализированных историй. При этом сама форма подачи информации обращена в основном к уровню зрительских чувств, строится на откровенности, естественности и гармонии со всем миром, проникается мистикой теплоты и заботы, ведь содержание подавляющего числа программ – это домашние хлопоты, красота, здоровье и личные отношения – то, что составляет сферу повседневного существования человека.. Медийный дискурс, таким образом, тотально проникает в частный «малый» мир и обеспечивает индивида более устойчивыми формами означивания и интерпретации, чем те, что исходят от формального институционального аппарата, минимизируя при этом момент прямого, жесткого принуждения. Медиатизируя опыт современного индивида, общество «мягко» контролирует, соблазняет и ободряет, делая постоянный упор на личные желания и частные интересы. «Смотрите: целое общество занято тем, что приспосабливается к вам и вашим желаниям» [2, с.189]. Индивидуальная автономия повсеместно преподносится как цель, к достижению которой каждый должен стремиться, чтобы быть счастливым. Медийный прессинг требует от индивида наслаждаться самым лучшим образом, стать лучшим. Вместе с тем такая медийная апелляция к приватизации жизни на самом деле является очередной формой массового принуждения, вызывающего в редких случаях ощущение почти счастья, а в большинстве – чувство беспокойства. «В результате действия императива наслаждения беспокойство субъекта только возрастает: ведь субъект все время сталкивается с бесконечными и невыполнимыми требованиями, исходящими теперь уже не от большого Другого, но от его/ее внутреннего «Я»» [6, с.125].

Таким образом, происходит тотальная деконструкция современного социокультурного пространства, разрушающая привычную топологию общества, выраженную дихотомией «приватное – публичное». Следуя тезису М. Маклюэна, можно говорить, что «новые средства и технологии, посредством которых мы расширяем и выносим себя вовне, составляют колоссальную хирургическую операцию на социальном теле» [12, с. 35-36]. Однако нам представляется, что простой констатации факта об «эрозии» публичной сферы и «экспансии» приватности практически во все проявления человеческой жизнедеятельности недостаточно, чтобы охватить многообразные и мобильные отношения, возникающие между этими сферами, отношения, которые способствуют процессу их гибридизации, то есть слиянию, «исчезновению» и, как следствие, обоюдной модификации. Логику происходящей реконфигурации точно уловил Ж. Бодрийар, утверждая, что «исчезновение публичного пространства происходит одновременно с исчезновением приватного пространства. Одно - уже более не спектакль, другое - уже более не тайна. Их четкая оппозиция, ясное различие экстерьера и интерьера строго описывали домашнюю сцену объектов, с ее правилами игры и пределами, и суверенностью

символического пространства, которое было при этом пространством субъекта. Теперь эта оппозиция сгладилась...» [1].

Подвижные мобильности между публичным/общественным и частным можно зафиксировать на нескольких уровнях. Прежде всего – это информационный уровень: формы электронной коммуникации, визуальные образы. При этом, по мере расширения и усовершенствования технических структур мобильность информационных систем, их проницаемость будет все более возрастать, что влечет за собой тотальное распространение экранной/визуальной формы восприятия событий. Как выразился К. Лэш, «в рамках технических форм жизни то, что было более или менее закрытыми системами – мое тело, социальное тело, – превращается в системы более или менее открытые <...> Единственная вещь, запрещенная в нашей культуре выставления всего напоказ, это склонность запрещать – полагать предел разоблачения» [11, с. 156-157]. Эта открытость несет с собой новую свободу выстраивания социальных отношений, конструирования и презентации форм идентичности – обозначим это как уровень социальных итеракций. При этом, складывающийся тип социальных взаимодействий и отношений приобретает все более эстетизированный характер, в том смысле, что производство эффекта становится гораздо важнее их реального содержания. Еще Гегель, предрекал, что возникает эпоха «приятного стиля», «стремления к эффекту», достигшая своего апогея в ситуации современной информационной культуры. В данном случае эстетизация понимается нами в духе постмодернистской концептуализации как процесс превращения предметов, явлений общественной жизни и отдельных людей в художественные объекты на фоне тенденций театральности и перформативности [13]. Логика эстетизации проникает сегодня во все сферы жизнедеятельности общества – в экономику и политику, в семью, мораль, религию, науку. В аспекте идентичности как формы персонального высказывания, эстетизация заявляет о себе в постоянном желании индивида превратить свое «Я» в публичное шоу, сделать, например, свою приватную жизнь своеобразным видом товара и зрелища, продемонстрировать миру «счастливую самость» (экранные новые медиа в этом смысле весьма удобная площадка).

На пространственном уровне (формы территориальной организации пространства общества – например, пространство города, жилого помещения) результатом устранения жесткого территориального

деления на публичное/приватное является появление зон, которые могут принадлежать одновременно и публичной и частной сфере. Такого рода вкрапления одной сферы в другую американский социолог Лин Лофланд называет «пузырями» приватного внутри царства (сферы) публичного – это могут быть места для тусовок (места, где люди живут и чувствуют себя «как дома», то есть ощущают свободу вести себя так, как они хотят) или, например, отмечание свадьбы (чисто приватное действие) в ресторане (публичное место). Современная культура и технологии, по мнению исследовательницы, во многом работают на изживание публичной сферы: личная машина переносит человека из одного приватного кокона в другой, все больше служащих компаний работают «на дому»; интернет-шопинг, домашний кинотеатр делают ненужными многие публичные сферы [17, с. 68].

Таким образом, очевидно, что в современном обществе, еще недавно описывающем себя в терминах системной целостности и простых бинарных оппозиций, произошел «всеобщий кризис всех пространств изоляции» – так определил Ж. Делез тенденцию к повышению взаимной открытости пространства социальных отношений, в том числе публичного и приватного пространства [5, с. 6]. Вместе с тем такая открытость, вовсе не означает распространения свободы. Иное дело, что ситуативно актуализируемые дискурсы приватности/публичности, ни один из которых не стремится узурпировать привилегированного положения, способствуют возникновению «гибридизированных» форм социальности в виде различных проявлений *публикации приватности* (частного-в-общественном) и *деприватизации* (общественного-в-частном). Вместе с тем, исчезновение прежней иерархичности, жесткой категоричности порождает не хаос, но новую конфигурацию социокультурного поля, чьей доминантой становится открытый контекст, стимулирующий пространственные и смысловые смещения, характеризующиеся все возрастающей мобильностью, взаимопереходами и взаимосвязью между моментами публичного и приватного. В таком контексте приватность как форма жизни становится все более диффузной, делокализованной, пластичной, неограниченной жесткими физическими, коммуникативными и прочими рамками.. Иное дело, что такая гибкость может одновременно обладать освобождающей силой и служить репрессивным фактором.

ЛІТЕРАТУРА (REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Бодрийяр, Ж. Экстаз коммуникации [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <http://ivanem.chat.ru/extaz.htm> - Загл. с экрана *Bodriyar, Zh. Ekstaz komunikatsii [The Ecstasy of Communication] [Elektronnyy resurs] / Zh. Bodriyyar. – Rezhim dostupa: http://ivanem.chat.ru/extaz.htm - Zagl. s ekrana*
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001. – 184 с. *Bodriyyar, Zh. Sistema veshchey [The System of Objects] / Zh. Bodriyyar. – M.: Rudomino, 2001. – 184 s.*
3. Головаха, Є. Таких низьких показників довіри до влади, які має Україна, в Європі просто не спостерігається [Електронний ресурс] / Є. Головаха // Фонд Демократичні ініціативи ім. Ілька Кучеріва. – Режим доступа: http://www.dif.org.ua/ua/commentaries/sociologist_view/djowjdgowpgipwergprihgp.htm - Загл. с экрана *Golovakha, Є. Takikh nizkikh pokaznikiv doviri do vladi, yaki maє Ukraїna, v Єvropi prosto ne sposterigaetsya [Trust Indexes of political power] [Yelektronniy resurs] / Є. Golovakha // Fond Demokratichni initsiativi im. Ilka Kucheriva. – Rezhim dostupa: http://www.dif.org.ua/ua/commentaries/ /sociologist_view/djowjdgowpgipwergprihgp.htm - Zagl. s ekrana*
4. Давыденко, Н. О борьбе ролей / Н. Давыденко // Комментарии. – № 3. – 31 января 2014. – С. 5.

- Davydenko, N. *O borbe roley [About the fight of roles]* / N. Davydenko // *Kommentarii*. – № 3. – 31 yanvarya 2014. – S. 5.
5. Deleuze, G. Postscript on the Societies of Control [Электронный ресурс] / G. Deleuze // October. – 1992. – Vol. 59. – Pp. 3–7 – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1778828> - Загл. с экрана
 6. Жеребкин, С. Нестабильные онтологии в современной философии / С. Жеребкин. – СПб.: Алетейя, 2013. – 350 с. *Zherebkin, S. Nestabilnye ontologii v sovremennoy filosofii [Unstable to ontology in modern philosophy]* S. Zherebkin. – SPb.: Aleteyua, 2013. – 350 s.
 7. Каспэ, И. Дом на экране: атрибуты и символы домашнего пространства в интернет-средах [Электронный ресурс] / И. Каспэ // Проект «Russian-Cyberspace» Института русской и советской культуры им. Лотмана (Рурский университет), г. Бохум, 2005 – Режим доступа http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/ru/kaspe_home. – Загл. с экрана
Kaspe, I. Dom na ekrane: atributy i simvolyy domashnego prostranstva v internet-sredakh [Home on the screen: the attributes and symbols of domestic space in Internet environments] [Elektronnyy resurs] / I. Kaspe // Proekt «Russian-Cyberspace» Instituta russkoy i sovetskoy kultury im. Lotmana (Rurskiy universitet), g. Bokhum, 2005. – Rezhim dostupa http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/ru/kaspe_home. – Zagl. s ekrana
 8. Кимелев, Ю.А. Философия социальных наук на рубеже XX – XXI вв.: Аналит. обзор / Ю.А. Кимелев. – М., 2013. – 84 с. *Kimelev, Yu.A. Filosofiya sotsialnykh nauk na rubezhe XX – XXI vv.: Analit. obzor [Philosophy of social sciences at the turn of XX – XXI centuries.: Analytical review]* / Yu.A. Kimelev. – M., 2013. – 84 s.
 9. Крастева, А. От гражданина посткоммунистического к гражданину сетевому [Электронный ресурс] / А. Крастева // Отечественные записки. – 2013. – № 6 (57). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/6/25k.html> - Загл. с экрана *Krasteva, A. Ot grazhdanina postkommunisticheskogo k grazhdaninu setevomu [From the post-Communist citizen to citizen of network]* [Elektronnyy resurs] / A. Krasteva // Otechestvennye zapiski. – 2013. – № 6 (57). – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/6/25k.html> - Zagl. s ekrana
 10. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с. *Liotar, Zh. -F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]* / Zh.-F. Liotar; per. s fr. N.A. Shmatko. – M.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii, Spb.: Aleteyua, 1998. – 160 s.
 11. Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш; пер. с англ. – М.: Издательство «Логос», «Прогресс», 2002. – 224 с. *Lesh, K. Vosstanie elit i predatelstvo demokratii [The Revolt of the Elites: And the Betrayal of Democracy]* / K. Lesh; per. s angl. – M.: Izdatelstvo «Logos», «Progress», 2002. – 224 s.
 12. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: «Канон-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2003. – 464 с. *Maklyuen, M. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]* / M. Maklyuen. – M.: «Kanon-press-Ts»; «Kuchkovo pole», 2003. – 464 s.
 13. Маньковская, Н. Эстетика постмодернизма / Н. Маньковская. – СПб: Алетейя, 2000. – 347 с. *Mankovskaya, N. Estetika postmodernizma [Aesthetics of postmodernism]* / N. Mankovskaya. – SPb: Aleteyua, 2000. – 347 s.
 14. Роль СМИ в современном обществе. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ /РАН. – М., 2007. – № 2. – С.96 – 111. *Rol SMI v sovremennoy obshchestve. (Svodnyy referat) [A role of mass-media in modern society]* // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. literatura, Ser.11, Sotsiologiya: RZh /RAN. – M., 2007. – № 2. – S.96 – 111.
 15. Ручка, А. Триумф «воинов света»: повышение градуса интеллекта и чувств [Электронный ресурс] / А. Ручка // Зеркало недели. – № 34. – 26 сентября 2014. – Режим доступа: http://http://gazeta.zn.ua/socium/triumf-voinov-sveta-povyshenie-gradusa-intellekta-i-chuvstv_.html - Загл. с экрана *Ruchka, A. Triumf «voinov sveta»: povyshenie gradusa intellekta i chuvstv [Triumph of "warriors of light": increase of degree of intellect and feelings]* [Elektronnyy resurs] / A. Ruchka // Zerkalo nedeli. – № 34. – 26 sentyabrya 2014. – Rezhim dostupa: http://http://gazeta.zn.ua/socium/triumf-voinov-sveta-povyshenie-gradusa-intellekta-i-chuvstv_.html - Zagl. s ekrana
 16. Турен, А. Критика модерна / А. Турен // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.3, Философия: РЖ /РАН. – М., 1999. – № 3. – С.21 – 38. *Turen, A. Kritika moderna [Critique of Modernity]* / A. Turen // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. literatura, Ser.3, Filosofiya: RZh /RAN. – M., 1999. – № 3. – S.21 – 38.
 17. Черняева, Н. Культурная география и проблематика «Места» (Обзор новой литературы) / Н. Черняева // Известия Уральского государств. ун-та. – Серия. Гуманитарные науки. – 2005.- Вип.9. - № 35. – С. 67–68 *Chernyaeva, N. Kulturnaya geografiya i problematika «Mesta». (Obzor novoy literatury). [Cultural geography and problems "Places" (A review of the literature)]* // Izvestiya Uralskogo gosudarstv. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2005. – №. 35. – S. 67–68.

Between privacy and publicity: modes of personal self-determination in the context of modern topology of society

H. Khodus

Abstract. In the article the focus of research interest focuses on the process of deconstruction topology of contemporary social and cultural space in the modus overcome of traditional for modern binary division of society into "private" and "public". Special emphasis is placed on the total mediatization of reality, which changes the form of social control (but in any way, nor its repressive logic), which in turn stimulates changes in the sphere of private life (its meanings, values, aesthetics, forms of manifestation).

Keywords: *privacy, publicity, individualism, media culture, subjectivity.*